

ВСЕ МНОГОЗВУЧИЕ МИРА...

Беседа с первым секретарем правления Союза писателей Украины, депутатом Верховного Совета СССР, лауреатом Государственной премии СССР и Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко П. А. Загребельным.

жних исторических произведений?

— Книга переносит читателя во временную освободительной войны

и по чувствам. Но бывает, что мал золотник, да дорог, пример тому — «Капитанская дочка» Пушкина.

— Педагоги отмечают, что сейчас у многих молодых людей интерес к классике ослаблен, что подростка чаще всего интересует литература о нем самом — рассказ или повесть о сверстниках...

— Это и понятно. Отрочество — совершенно особый возраст. Эту пору можно сравнить с полосой штормов, которую проходит корабль. Его треплет волна, паруса трещат под напором ветра, корабль мотает из стороны в сторону... Из полосы штормов корабль выходит или сильно помятым, или, напротив, целым, невредимым, готовым к дальнейшему пути. Как важно тут влияние хорошей книги! Можно ли ограничивать круг чтения подростка только литературой о нем, когда человечеством накоплено такая сумма знаний о мире в целом?

Но... «Вот, — говорим мы подростку, — бери пример: Николай Островский в твои годы узкоколейку строил! Гайдар в 16 лет полком командовал! А Рахметов на гвоздях спал! Где твоя воля?» Знаете, что мы воспитываем в подростке такими разговорами? Чувство неполноценности. Да-да, он чувствует себя

ущербным по сравнению с этими героями. Полком командовать сейчас не то что в шестнадцать, даже в тридцать шесть не каждому дано. И что самое забавное: те же взрослые, которые упрекают подростка классикой, не дадут ему не то что на гвоздях спать, — мало-мальски проявить свою волю.

— Часто на Западе наш век называют веком не читателя, а кинозрителя. Как вы относитесь к такому мнению?

— Действительно, хотя это писатели или нет, но искусством века стал кинематограф, оказывающий колоссальное воздействие на умы, как положительное, так и отрицательное. Но ведь кино (я имею в виду хорошее кино) начинается именно с литературы. Так что хотя бы поэтому книга никогда не умрет.

— Хотелось бы, Павел Архипович, поговорить с вами о кинематографе подробнее.

— У кино аудитория неизмеримо большая, чем у книги, и кинематограф хорошо осознает свою ответственность в связи с этим. Во всяком случае, создатели фильма «Ярослав Мудрый» (в основу сценария положен мой роман «Диво») прекрасно справились с задачей. Хочу их искренне поздравить с победой. Посмотрев фильм, я еще раз убедился в том, что точно так же, как в океане документальности растворено немало энергии чисто художественной, так и в морях художественного произведения кристаллизуется немало достоверности. Достоверность лучше всего проявляется тогда, когда прозу переводят на язык кино и когда делают это талантливые люди. Обращаясь к памяти, скажу, что Чапаев безоговорочно отождествляется в воображении со своим киноизображением. Герои Фадеева кажутся единственно возможными подпольщиками «Молодой гвардии».

Народная память должна быть честной и поучительной. Что касается Ярослава Мудрого в фильме, то он представитель правящей верхушки, порождение своей общественной формации, и поэтому фигура далеко не идеальная. Но все-таки он — великий сын народа, заслуживающий благодарной памяти.

— Сейчас постановщик фильма «Ярослав Мудрый» Григорий Кохан начал работу над экранизацией вашего романа «Разгон». Кому-то может показаться странным, что за картиной о людях Киевской Руси XI века он ставит фильм о кибернетиках — людях, можно сказать, работающих на XXI век. Десять веков разделяют героев этих картин. Оружие одних — лук и стрелы, других — ЭВМ...

— Но есть у них и общие черты. Они — патриоты своей земли, они верят в необходимость дела, которому служат, они думают о будущем. Герой романа Петр Андреевич Карналь является одним из командиров советской науки. Его судьба вобрала многие этапы жизни нашей страны.

Зрители познакомятся с жизнью и делами Петра Андреевича, вместе с ним пройдут путь от подростка до академика и депутата Верховного Совета страны. Но мысль о том, что сегодняшние высокие жизненные, творческие и нравственные вершины Карналя не возникли сами по себе, а являются результатом его активной позиции на всем жизненном пути, должна стать красной нитью картины.

— Ваши книги «переводятся» не только на язык кино, но и на язык театра. Например, Киевский русский академический театр имени Леси Украинки поставил по книге «Разгон» спектакль «Предел спокойствия», а во многих театрах, в том числе и в Крымском украинском театре дра-

мы и музыкальной комедии, идет пьеса «Евпраксия» по одноименному вашему роману... Над чем вы сейчас работаете, каковы ваши планы?

— Я пишу о киевлянах. А потом продолжу работу над романом о селе. На ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК партии Юрий Владимирович Андропов напомнил, что осуществление Продовольственной программы — дело не одного года, но выполнение ее в то же время нельзя затягивать. И возвращение мое к сельской теме будет, считаю, своего рода откликом на призыв партии.

— Известно, Павел Архипович, что помимо литературных у вас немало других важных обязанностей — партийных, государственных, общественных. В какой мере удается их совмещать?

— Теоретически я допускаю, что если бы моя жизнь была ограничена писательским столом, то, возможно, в области чисто литературной я сделал бы больше. Но это теоретически. Потому что на практике жизнь «писателя-отшельника» невозможна. Кто, как не писатель, должен быть на страже жизни! Ведь нам дано, нам доверено проникать в непрестанное жизненное движение, стремиться художественно отобразить его вершину — человека!

Но всегда ли точно мы осознаем нынешнюю масштабность перемен? Почаще бы нам сопоставлять писательский труд с конкретными реалиями жизни, с высоты сегодняшнего дня оглядывать собственные творческие усилия. Уверен, если пользоваться новым масштабом, установленным нынешним разворотом дел в стране, ряд участков нашей писательской работы не будет казаться соответствующим задачам дня. Вот почему писатели республики сейчас, как

никогда, взыскательны к себе.

Литература призвана объединять людей, ей от природы присуща открытость и чужда замкнутость. Мы говорим: взаимное ознакомление, взаимовлияние, взаимообогащение. В этом наше богатство.

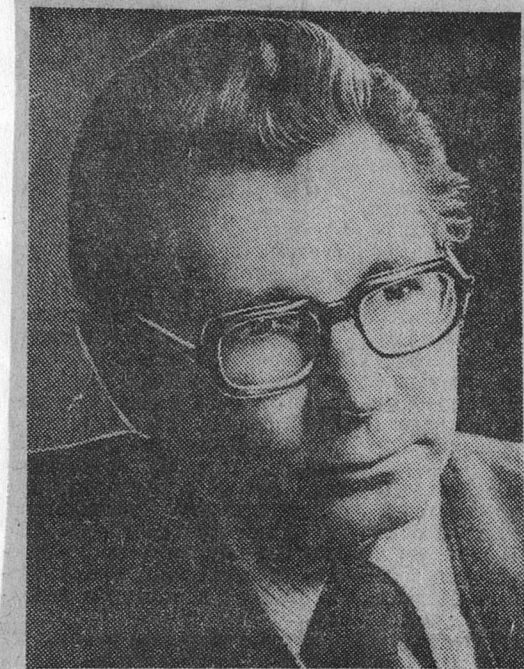
Вы посмотрите, каким сплоском пользуются книги Шолохова, Леонова, Маркова, Распутина, Айтматова, Гамзатова, Думбадзе, Карима! А в других республиках получили признание книги О. Гончара, М. Бажана, Б. Олейника, Д. Павличко, И. Драча, В. Коротина, М. Стельмаха, В. Земляка, Ю. Мушкетика...

Прожитые нашей страной годы многому научили нас — в том числе убедительности поступков, четкости социальных критериев. Дети, которые сегодня рождаются, войдут в третье тысячелетие 17-летними. Опыт бурного, честного и жесткого, устремленного к революционной борьбе XX века, навсегда останется с нами. Пусть же их совершеннолетие будет мирным и радостным. Мы многое сделали для этого и будем продолжать свою работу.

* * *

Наша беседа подошла к концу. Не все, о чем рассказывал Павел Архипович, уместилось на бумаге. Разговор шел долгий и о разном. Многозвучен, разногласен, непрост мир, встающий со страниц книг Павла Загребельного: будь то ироничное и остроумное повествование об одном дне заседания архитектурного жюри, или торжественный рассказ о подвиге пограничника, или же пронизанное политической публицистикой изображение антифашистского движения Сопротивления, или психологически глубокое отображение жизненного пути советского ученого... Книги его любят, потому что они насыщены подлинной жизнью, где все переплетено, все куда богаче наших привычных представлений.

В. ДРУЖБИНСКИЙ.

— Говорят, если писатель себе не изменяет, то всю жизнь он пишет одну книгу. Меняются конфликты, меняются герои, меняется в конце концов и жизненный материал. Но писатель вновь и вновь утверждает те нравственные принципы, те духовные ценности, которые остались для него неизменными. Существует ли какая-то внутренняя связь между героями ваших романов и повестей?

— Видимо, существует, так как в них можно найти нечто общее. Государственным человеком, к примеру, можно считать не только князя Ярослава Мудрого, но и молодого рабочего Дмитрия Череду, а теоретик кибернетики академик Карналь такой же творец, как и талантливый художник Киевской Руси Сивоок. Думаю, именно темой народа-творца можно было бы связать между собой мои романтические циклы.

— Сейчас читатели увлечены вашим новым романом «Я, Богдан». В чем вы видите его главное отличие от ваших пре-

украинского народа 1648 — 1654 годов. Это историко-психологический роман. Необычная форма повествования от имени героя избрана для того, чтобы полнее раскрыть образ и богатый внутренний мир государственного деятеля и полководца Богдана Хмельницкого. Знаменательные события, люди, вся эпоха предстают как бы в его оценке.

— Павел Архипович! Не угадает ли, на ваш взгляд, интерес читателей к большим объемным произведениям? Существует мнение, что в наше время люди стремятся получить концентрат — концентрат эмоций, чувств, знаний...

— Может и большое произведение содержать то, что вы называете «концентратом», и читается с интересом. Может и тоненькая книжечка представлять произведение явное и даже непомерно растянутое, оказаться тонкой и по мысли,